

Павел Борисов

СКРИПКА

нотки откровения

Павел Борисов

Скрипка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Борисов П. М.

Скрипка / П. М. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Все книги о том самом Вечном Чувстве. И оспорить это - очень трудно. Ну, кто сможет что-то возразить против того, что все радости в этом мире от любви, и кто будет возражать, что и все горести, увы, как это ни печально - от нее же... Эта книга - не исключение. Любите детей? Ну, конечно же - Вам сюда... Животных? - они здесь есть!.. И такие, какие Они есть... И, конечно же, в своих откровениях - за что мы их и любим... Любим! Привычно - людей родных и близких, мощно и неожиданно тех, кто смог ворваться к нам в Душу... Любим и переживаем за все то, что нас окружает и, таким образом, изменяем что-то для себя и для других в этом мире.

© Борисов П. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Светлой памяти моей дорогой Нэлочки посвящается...

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Живет человек. Хорошо живет. Скажем так: наслаждается жизнью. Огорчения? Мимолетны! Проблемы? Конечно же – не без них. Но что они по-сравнению с радостями окружающего мира. Прекрасная пора – счастливое, беззаботное детство! Но вот наступает какой-то момент, и в четком ритме жизни случаются изменения. Перебой. Человек впервые подумал о смысле своего пребывания на земле. О, вечный, о, самый человеческий вопрос!.. Бывает по-другому: широкая натура, транжир. Живет уже долго и берет от жизни по-максимуму, не обременяя себя излишними размышлениями. Вдруг – несчастье. Болезнь, например...

Один умный человек сказал как-то в ответ на вполне понятное и привычное поношение всех болезней на свете: «Болезнь нужно. Начинаешь кое о чем задумываться...» Быть может, он не совсем прав, этот умный человек в том, что для активизации умственной деятельности необходимы заболевания печени, селезенки или чего бы там ни было еще, но он трижды прав, этот умный человек в том, что в жизни необходимо вовремя пошевелить мозгами...

ДЕТСКОЕ

НЕПОНИМАНИЕ

Я обидел ребенка. Обидел своего сына. Прикрикнул на него и отмахнулся, как от назойливой мухи. Мне не хватило терпения и такта. То, что он требовал, упрямо не принимая моего сопротивления, виделось с моей взрослой колокольни таким глупым, наивным и маленьким, что в дыму своих мелких проблем я не разглядел больших проблем этого маленького человека... Мой сын долго смотрел на меня широко раскрытыми, скорее удивленными, чем обиженными глазами. Мне показалось – он впервые понял то, что я его не понял. В этот момент кое-что понял и я...

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Мой маленький сын с наслаждением пускал мыльные пузыри. Радужные шары взлетали вверх, кружились по комнате и опускались вниз, оставляя на линолеуме круглые, влажные следы. Жена, зайдя в комнату, поскользнулась на одном из них и, рассердившись, хотела, наверное, сказать что-то вроде: «Нашли место, безобразники. А ну, марш на балкон...», но малыш так наивно и искренне прореагировал на ее неловкость, а в глазенках его прыгали такие веселые и лукавые бесенята, что мы невольно рассмеялись тоже, и жена лишь безнадежно махнула рукой: «А, делайте, что хотите, хулиганы...» Вдруг, большой пузырь, который сын уже долго и старательно выдувал из трубочки, лопнул прямо перед его счастливым личиком. Наступило короткое замешательство, после которого радость ребенка сменилась обидным разочарованием. Он тер глаза кулачками и ревел так же громко, как смеялся до этого. Мать прибежала на крики и, приговаривая: «Я же тебе говорила...», утатила мальчишку в ванную, промывать глаза. А я улыбался и думал: «Пусть такие огорчения, малыш, будут для тебя самыми серьезными в жизни. Как часто мы, взрослые, выдуваем большие «мыльные пузыри», и как больно нам бывает тогда, когда они внезапно лопаются... Пусть для тебя это занятие останется лишь в детстве...»

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

К нам попросился гость. Он не стучался, не звонил, а просто долго и жалобно мяукал у наших дверей. Он уже столкнулся с жизнью, понял, насколько трудно быть одиноким, готов был отдать нам всю привязанность, всю свою кошачью любовь.

И мы поняли его – вынесли чашку с молоком, положили кусочки мяса, и он с жадностью набросился на всю эту снедь. Больше всех радовался котенку наш маленький сынишка. Он упорно не желал отходить от двери, в которую сильно дуло из восьмиэтажной трубы подъезда. Мы накинули на него пальтишко и разрешили выйти на лестничную площадку, и даже потрогать котенка, старательно внушая ему при этом: «Не хватайся за пальтишко ручками, не прикасайся пальчиками к личику...» Малыш смотрел на нас горящими от счастья глазенками и приговаривал: «Он иглает со мной, он гладит меня носиком, он лазговаливает со мной!...» Котенок быстренько уничтожил угощение и сделал несколько осторожных шажков в сторону коридора. За ним торжественно вышагивал наш Валька. Мы с женой в нерешительности застыли на месте... Наверное, это был очень воспитанный, я бы даже сказал – деликатный котенок, потому что другой на его месте, наверняка бы стремглав бросился в квартиру и забился куда-нибудь под диван, чтоб не достали и не прогнали – наивная кошачья логика. Нет – этот ступал со смущенной и заискивающей мордочкой и смотрел на нас так, как будто понимал, что главное – уговорить этих двух взрослых людей, и мяукал жалобно и просительно. Но он не понимал, что грязный и уличный, с невесть какой инфекцией, которую так бояться в этом доме, потому что ребенок часто болеет, потому что, в суете дел, уборка квартиры – проблема, уже сама по себе, довольно серьезная, не понимал, что... – да мало ли еще чего он не понимал. Не знал всего этого и Валька. Нашу неподвижность котенок посчитал за поощрение и, вытянув хвостик тонкой вертикальной ниткой, зашагал смелее. Валька прыгал рядом. Мне пришлось притопнуть ногой и сказать – «брысь». Котенок испуганно выскочил за дверь, а сынишка, от неожиданности и удивления, плюхнулся на попку. Потом нам долго пришлось успокаивать его. Бескомпромиссная детская душа не принимала уговоров и половинчатых решений. Наконец, почувствовав, что папа с мамой начинают сердиться, он уступил и, позволив нам вынести за дверь картонную коробку, сам положил на дно ее мягкую тряпочку, сам налил в баночку воды и долго потом сидел возле котенка на корточках, глядя его и шепча ему что-то. Мне показалось, что он извиняется за нас... Когда утром я открыл дверь – котенка в коробке не оказалось. Мы прождали его целый день и весь следующий день – он так и не появился. Не знаю, что чувствовал наш сын, а на душе у нас – двух взрослых людей, было скверно и неудобно...

ПРО БРАТЬЕВ НАШИХ МЕНЬШИХ

КУРОЧКА ПАВЛИК

– Мам, а курочки Павлики бывают?

– Это ты к чему? Ты что хочешь, чтобы мы назвали твою курочку Павликом?

– Да.

– А как же я буду вас звать? Позову тебя, а она подумает, что ее зовут...

– А мы вместе прибежим. Мы и так всегда вместе.

– Ну, это-то я знаю.

Павлик думает, потом его лицо освещается хитрой улыбкой:

– Значит, и спать мы должны вместе, и кушать, и... жить она должна в моей комнате...

– Может быть, и в туалет вы с ней вместе ходить будете? Это ты, друг, загнул... Имей совесть. Ты знаешь, что такое ущемление прав человека?

– Не...

– Вот тебе и не... Тебе бы понравилось быть запертым в своей комнате на выходные? И никаких тебе прогулок с папой, никакого телика... Вот так ты свою курицу, как собачонку на веревке, все время за собой таскаешь... А может ей хочется в своем курятнике посидеть? Ты ее об этом спросил?

– И никто ее не таскает – она сама все время за мной ходит, потому что мы друзья.

– Друзья, друзья!.. Ладно – пусть будет курочка «Павлик»...

Речь в этом диалоге шла о пестрой наседке, которая из цыпленка выросла в куриную матрону. Именно она наводила порядок, когда возникали какие-то безобразия в курятнике – урезонить не в меру расшалившихся или разодравшихся молодых петушков, отогнать нахалов, обижающих маленьких у кормушки... Но самое главное то, что она, действительно, в свободное от своих основных обязанностей время, не отходила от Павлика, опекая его, как собственного цыпленка. Нужно было видеть, как заворожено, не шелохнувшись, выгнув шею и уставившись круглым глазом прямо в рот, она слушает его, когда он что-то картавя, объясняет, или рассказывает ей. Как бежит за ним к висящим на тутовом дереве качелям, а затем, взволнованно кудахча, «летает» туда-сюда за этими качелями, смешно подпрыгивая и взмахивая крыльями, чем вызывает радостный смех Павлика.

Соседского петуха звали неоригинально – Петькой. Но какой, же он был красавец! Яркие разноцветные атласные перья, огромный хвост, хохол на голове и шпоры на лапах, рост – чуть ли не в пояс если и не взрослому человеку, то подростку точно, грудь колесом... Курятник, где полноправным хозяином был Петька, в общем дворе находился с самого края, прямо у калитки и ворот, которые вели на улицу. Ах, как не любил Петька детей, вечно шмыгающих туда и обратно... Каждый раз, как кто-то из них пробегал мимо, он бросался своей выгнутой грудью на сетку, расшиперившись, как еж и сердито клокоча. Бросался – всегда неожиданно, чем не раз вызывал испуганный визг детворы.

Павлик спешил на улицу. Там его ждала Любочка. Она была немножко воображалой, но это ничего. Ему даже нравилось смотреть на то, как она мажется разной косметикой, которую натаскала в шалаш, построенный ими за кладовками. По секрету Любочка рассказала, что потихонечку берет косметику из сумочки, лежащей дома за стеклом трюмо и что ее мама, наверное, уже давно про эту сумочку забыла. А еще она была не ябедой, потому что иногда они ссорились, а иногда даже и дрались, но Любочка никогда никому не жаловалась. Просто немножко дулась на Павлика, но совсем недолго. А когда он ее целовал, как папа маму, она тоже никому не рассказывала. А Павликину курицу они тогда в шалаш не пускали. Тогда она и не просилась – караулила у шалаша, потому что ей Павлик все объяснил... что нельзя.

Как образовалась та дыра в сетке, через которую выбрался Петька наружу, так тогда никто и не понял. Страшный, с вздыбленными перьями, чуть ли не с Павлика ростом, он надвигался на него, грозно вытянув вперед шею, издавая какие-то жуткие квохчущие звуки, раскрыв чудовищный, как казалось бедному Павлику, клюв и царапая огромными шпорами землю... У мальчишки что-то как будто оборвалось внутри, он прирос к земле – ноги не могли сдвинуться с места. Ему удалось лишь слегка развернуться в бесполезной попытке убежать от этого ужаса и издать, как ему показалось – крик, а на деле жалкий дребезжащий тоненький безысходный звук... А Петька уже напал на ребенка и ущипнул его – именно ущипнул, а не клюнул, мерзавец, изловчившись, за попку. Это единственное свидетельство необычайного происшествия, случившегося в дружном общем дворе, долго потом напоминало Павлику о себе – болью при передвижении и фиолетовым синяком с припухом на этом очень нежном и чувствительном для каждого месте.

Курочка «Павлик» вывалилась из курятника кубарем – казалось, что она не бежит, а катится шаром от боулинга, размером с индюка, к месту происшествия – так она раздулась от вставших торчком в воинственном возбуждении перьев. Забыв, да нет! – просто плюнув на природную куриную субординацию, она так набросилась на обидчика своего любимого Павлика, что от этого видного, как я уже писал, представителя мужской половины куриного рода только перья летели. Петька совершенно растерялся и обалдел от такого натиска и успевал только жалко пятиться в сторону, слабо отклеиваясь и отмахиваясь лапами, неуклюже взлетая, но не вперед на этого, оказавшегося таким страшным врага, а назад – к спасительной хозяйской калитке. Весь путь отступления был усыпан шикарными Петькиными перьями. Калитка оказалась запертой, и Петька, на секунду решившись повернуться задним фасадом к курочке

«Павлику», в панике взлетел на заборчик и не спрыгнул, а просто свалился во двор и стремглав побежал к дверям квартиры. Курочка «Павлик» было – подпрыгнула и взмахнула крыльями, с намерением продолжить погоню, но вдруг спохватилась и, взволнованно кудахча, побежала к плачущему Павлику. И стала, смешно приседая и постоянно приговаривая что-то на своем курином языке, бегать вокруг него, то, прижимаясь к его ногам, то, смешно изгибая шею, в попытке заглянуть Павлику в глаза – через трущие эти глаза ладошки.

Мы давно уже выскочили на весь этот шум и гам. Помню, жена сказала: «Ведь она переживает за то, что оставила своего «цыпленка» без присмотра...»

РЫБАЛКА

Рыбалка! – Оторваться, отвязаться, оттянуться – отдохнуть! Благо – хорошая машина под одним местом. Дядя Вася-водитель свою технику в таком порядке содержит, что расхожей шутка стала: «У дяди Васи машина, что невеста перед первой брачной ночью – никак не догадешься, сколько на ней проехали...» Ну, а коль так, то как же без нее, родимой? Вот и позванивает она ласково в ящике на полу кузова. Ласково-то ласково, да вот Лешка волнуется на ухабах да рытвинах: «Нет, вон та, которая сверху точно гакнется! Ребят, надо бы раздавить от греха...» Никого долго уговаривать не приходится. Раздавили. Ну, а после первой... раздавили еще – тоже не так, как надо, лежала. Совсем хорошо стало. Итак, настроение «клеевое» было – рыбалка! А после этого, – «ваще кайф», – блаженно выдохнул кто-то. Анекдотики пошли, хохот и веселье. Больше всех радовался Тузька – лопоухий Лешкин пес «дворянской» породы с уникальным, как у свинушки закрученным хвостом. Не знаю, как и что судить о Тузькиной внешности, но лично для Лешки он был самым красивым псом на свете. Любил Лешка Тузьку. Да и Тузька отвечал Лешке тем же. Полная идиллия! Не случайно друзья шутили: «Эх, Леха, не был бы Тузька кобелем – лучшей жены тебе не найти...»

Приехали? Ура, приехали!

Вывалились из машины и рассыпались по берегу. Речища – Ах! Природища – красота! К вечеру приехали – уже солнце садится. Но так и рассчитывали – на вечернюю зорьку, да с ночевкой, да и не на один день. Кто-то расчищает место от камней и палок, а кто-то уже начинает разводить костерок. Ну, а Лешка с Тузькой – удочки – и к камышам. Кстати – только у Лешки удочки – все остальные предпочитают более откровенный и наглый способ рыбной ловли – бредешком. Растянули сеточку, прошлись зигзагом от берега и назад – вот тебе и улов. Редко когда что не загребешь – река рыбная. Нет, Лешка такого «кайфа» не понимал, как и его не понимали, обзывая «чокнутым рыболовом-любителем». То самое место у камышей, Лешка уже не раз в прошлые поездки опробовал, принося в иной раз аж по три кило сазанов – к ехидному ликованию дружков, сидящих уже перед горой браконьерски добытой рыбы. Так вот, перед выдвижением на место дислокации, Лешка с друзьями «вмазал» еще – за успешную рыбалку.

Надо сказать, что день выдался прохладный, а к вечеру поднялся довольно свежий ветерок. Однако в заводи, которую облюбовал Лешка, было почти тихо – от ветра ее защищал камыш. Так что поплавок лишь слегка покачивали волны, и он зазывно поигрывал в обязательном порядке «приплюванным» Лешкой на метровой глубине червяком. Тузька, находясь в прекрасном настроении, поначалу, повизгивая, покрутился за своим уникальным хвостом, но быстро понял, что это занятие в очередной раз может оказаться совершенно бесперспективным – хвост, как пружина, постоянно ускользал от Тузькиных зубов. От азарта пес стал порывивать, вызвав недовольство хозяина: «Тихо, ты, балбес, всю рыбу распугаешь...» – Лешка потянулся за лежащим рядом сучком... Однако, не успел он начать это движение, как Тузька уже все понял, и одним прыжком оказался за Лешкиной спиной, игриво вертя своим хвостом-пружиной и несколько настороженно глядя в затылок хозяину. Лешка улыбнулся и, резко откинувшись на спину, схватил обеими руками собачью морду за болтающуюся кожу на щеках. Тузька

завизжал – и совсем не от боли, а от игривого настроения. Потом они какое-то время вместе барахтались на траве. Наконец Лешка напыщенно строго сказал: «Все – цыц у меня! Будем рыбу ловить...»

Нет, такое занятие не по Тузьке – ждать неизвестно сколько, пока хозяин вытащит рыбешку. Да и смысла нет – как только люди едят эту гадость? – брр... – не любит Тузька рыбу. Не вкусно ему, да и... – как-то поел... – прилипла большая чешуина где-то в глотке – ни туда, ни сюда – ни выплюнуть (не умеет), ни проглотить. Мотал, мотал башкой, скулил, скулил у пустой миски, пока хозяин не догадался в нее воды налить. Еле пролакался. Да и потом, рыба – дура-то, какая! Это же надо бросаться на червяка, ни лески, ни крючка не замечая... Нет, все-таки ему здорово повезло, что он собака! Его никто на «крючок» не поймает. И не скупает, как рыбу... – от таких мыслей Тузька растянул свой собачий рот и – кто бы посмотрел на него в этот момент! – казалось, что он улыбается...

Поэтому, посидел Тузька возле хозяина какое-то время чисто для приличия, да и «слинял» потихонечку – может поинтереснее занятие найдется. Вон – берег какой длиннющий – гоняй по нему – не перегоняй. И интересно все как – это тебе не прогулки на парковом пятачке, да еще на поводке, если народу много. И не городская Лешкина однокомнатная квартира, где и повернуться-то негде, тем более что поиграть. Да нет, на хозяина грех было обижаться – он Тузьку никогда от себя не отгонял и таскал его с собой, куда можно. Только вот – тоскливо бывало Тузьке без воли и простора, особенно в долгие часы ожидания Лешки с работы. Вон, жалуются хозяева, что животное что-то в доме погромило, или какой цветок скушало – так это от тоски, тесноты и недостатка витаминов... А здесь, на берегу реки! – Тузька наслаждался свободой. Во, какая жизнь нужна собаке! Ах, если бы еще дармовую миску с едой!.. Да нет, главное – чтоб хозяин вот так – с удочкой на берегу, чтоб жил здесь с Тузькой. А Тузька не только себе, но и ему еще что-то кроме рыбы добудет. Разыгралась собачья фантазия... А Лешка сидел с удочкой, и ему тоже здесь было так хорошо, что внутри, где-то в глубине тела, что-то аж мурашками подымалось и ходило. Нега прям какая-то... Эх жизнь! Прекрасная ты все ж таки штука!

Между тем на берегу у костра, под очередную бутылку, решался очень важный вопрос: кто с бреднем полезет в воду. Первоначальная алкогольная эйфория и подъем прошли и стали накатывать тяжесть и расслабуха. Никому жуть как не хотелось мочиться, да еще на таком ветерочке... Поначалу решили бросить жребий, а потом кто-то сказал: «Да ну его к лешему – пожрем что есть. Говорил же – мясо брать надо. Рыбу, рыбу наловим... Наловили. Уже кишки сводит. Давайте картоху, что ли чистить, да что там у нас еще ...».

В это время к костру выскочил радостный Тузька. Он заигрывал, приседая на лапы, и бегал вокруг костра, стараясь привлечь внимание и поделиться своим прекрасным настроением.

– И-ик...е-есть идея..., – икнув и тупо глядя на Тузьку, сказал, совсем ослотившийся от водки, Петруха...

Лешка стоял на берегу. Он давно уже оставил без присмотра свою удочку, и не из-за того, что стемнело – белый поплавок вполне ясно различался в свете восходящей Луны. Просто сама Луна! Именно она потянула на берег. Ее свет был еще оранжевым, неярким, но размеры – просто невероятными. Лешка раскинул руки, как крылья, и закрыл глаза. В грудь дул сильный ветер и ему казалось, что он летит, как птица. Лешка приоткрыл глаза, и зрение, вместо того, чтобы вернуть его в реальность, еще больше усилило это впечатление. Теперь Лешке казалось, что он стремительно летит к той, еще недлинной лунной дорожке, которая, как лестница, ведет к Луне. И Лешка еще не решил – опуститься ли ему на эту лестницу и взбежать по ней к огромному оранжевому шару, или же, пролетев над ней, опуститься на Луну прямо сверху...

На землю его вернул голос, раздавшийся действительно откуда-то снизу:

– Леха, ты долго памятником стоять будешь? Во! – как Христос... Ну, точно – я фотку в журнале видел... Где-то такой памятник есть...

Около раскинувшего руки Лешки, уже пару минут, на корточках, куря сигарету, сидел Юрка.

– Во! Тащится пацан!.. – подумал Юрка, только выходя на берег.

– Во, тащится!.. – подумал он, доставая сигарету.

– Ну, пусть потащится... – подумал Юрка, зажигая сигарету и присаживаясь на корточки...

Однако сигарета заканчивалась...

– Хорош балдеть! – шурпа стынет. И водочка... выдыхается... – хохотнул Юрка. – Вперед, к победе «коммунизма», – эти слова и шлепанули окончательно Лешку на землю. А Юрка уже тащил его, податливого и не до конца освоившегося с землей после «полета», за руку к костру.

Шурпец удался на славу! Мясо так и таяло во рту. Да ко всему еще и салатик из свежих огурчиков и помидор. По окончании ужина, на траве возле компании валялись еще две пустые бутылки. Дядя Вася, поглаживая свой весьма солидный животик, с удовлетворением «рыкнул» – именно через букву «к» – так смачно у него получилось.

– Ну, ты, дядь Вась, даешь!

– Дядь Вась, ты – прям музыкант! – загоготали мужики.

Лешка в это время, обглодав косточки, сложил их кучкой и, слегка покачиваясь, пошел вокруг расстеленного брезента, служившего столом, собирая остальные. Получилась довольно солидная порция «собачьей радости». И вот тут, после всей этой операции, ему в голову вдруг постучалась одна, большая – на всю голову мысль: «Странно...».

– Что странно? – Лешка никак не мог выбраться из этого липкого дурнотного состояния.

– Ах да! – косточки. А где Тузька?

Странно... Вот что! – странно и непонятно: как это его нет рядом?

– Фу ты! – как заноза это слово – странно.... Так! – встать...

– Сначала на четвереньки – вот так – главное – без резких движений... Во! – устояли...

– Тузька, Тузька! Ко... – косточки! А ну, сюда, сукин сын. Убью, собака...

– Гы, гы... – раздалось у Лешки за спиной.

– Гы, гы, гы...

Лешка повернулся:

– Вы что ржете?

– Т – таво... У – убивать не надо... Гы, гы... он и так... таво... к – косточки... косточки...

Лешка тупо смотрел на ухмыляющиеся рожи... И тут, в его голове, откуда-то издалека, стала формироваться новая мысль – эта была вообще огромная, черная и колючая – страшная мысль...

Но первым все понял дядя Вася, который время до ужина провел возясь у машины и, можно сказать, по сравнению с другими – ничего и не пил.

– Ах вы, сволочи..., гады..., – не в состоянии найти слова, Дядя Вася перешел на неумелый мат – такого от дяди Васи еще никто не слышал.

– ... Это вы Тузьку?... – Кровь ударила ему в лицо, а жилы на шее так надулись, что казалось – вот-вот лопнут. Дядя Вася было бросился с кулаками на эту уже переставшую ухмыляться свору пьяных придурков, но вдруг, как-то крикнул и, согнувшись пополам, вывалился куда-то в сторону от костра в рвотные спазмы, выворачивающие его желудок наизнанку.

А Лешка все стоял во внезапно ударившей его, и как будто заморозившей вместе с лицом и телом, судороге. Потом, не сказав ни слова, словно вдруг обредший возможность двигаться на негнущихся ногах истукан, повернулся и пошел прочь. Главное, что ему нужно было сделать сейчас – это уйти отсюда. Внутри пусто – ни слов, ни сил, ни... Тузьки...

– Леха, да хорош тебе.... Ну, куда ты пошел?..

– Успокойся, братан...

– Ну, убей нас всех теперь за это...

Лешка не слышал ничего.

– Пусть идет, не держите его, – сказал каким-то странным голосом Петька. Таким странным, что все замолчали. А он продолжил, опустив себе куда-то под ноги глаза: «Ему очухаться надо... Во мы – идиоты...»

Лешка знал – куда идет. Для него действительность поделилась на два мира. Один был там – у костра, где лежала кучка косточек, другой – на берегу, где бегал живой Тузька... Между двумя этими мирами лежала огромная черная пропасть. Лешка на мгновение вновь обрел крылья, чтобы перелететь через эту пропасть. Назад для него пути уже не было... Его окончательно притянула к себе земля, и горе – страшной тяжестью, навалилось на плечи. Он с еще большим трудом, но одновременно и с каким-то фанатичным упорством передвигал ноги туда – вперед к берегу, где в лунном свете видел... собачий силуэт. Светило было уже высоко, и яркая лунная дорожка тянулась к самому берегу. Но ему она казалась уже не лестницей, ведущей на Луну, а длинным серебряным эскалатором, медленно движущимся куда-то далеко-далеко и вниз... вниз... Теперь Лешка стремился к этому эскалатору, потому что именно на него прыгнул, призывно вертя хвостом-пружиной его Тузька – это был Он... Он!!!

Вода сомкнулась над Лешкиной головой. Далеким эхом, донеслись вдруг откуда-то слова: «Эх, жизнь! Прекрасная ты все ж таки штука!». Но они были уже отголоском того – враждебного Лешке мира, и он уходил от него, спускаясь по ступеням серебряного эскалатора туда – вниз, за далеко уже убежавшим вперед Тузькой...

МУЗЫКАЛЬНОЕ

РОЯЛЬ

В тугом узле прожекторов, стоял рояль – лебедем черным. Подняв и распустив крыло в изломе сложном. И лебединою тоской, звучал мотив – как бы прощанье. И слушал зал, дышать боясь – в святом молчанье. И чем безудержнее ввысь взлетали ноты звук за звуком, тем явственней и глубже смысл того, что ощущали люди, глотая слезы, не стыдясь, как часто то бывает в жизни – простого проявления чувств, свободного полета мысли. Рояль устал и замолчал. Как вздох... последний... звук... растаял...

СКРИПКА

Прекрасный Мастер изваял сладкоголосую певунью.

Наверное, он был колдун и породил колдунью...

Нежная и хрупкая – яичная скорлупка,

Смуглая и страстная – итальянская Красавица,

Желанная, как Женщина, что всех сильнее нравится...

Она побывала в руках не очень многих скрипачей, потому что лишь самый талантливый и знаменитый в свое время, мог удостоиться счастья обладать ею. Каждому новому избраннику судьбы она отдавалась настороженно и боязливо, а порой даже и неохотно, бесконечно сомневаясь в том, что он достоин ее. И они как будто чувствовали это, уговаривая и лаская ее нежными руками, с наслаждением касаясь ее тела щекой, осторожно, а потом все настойчивее прося у нее взаимности. Все они были очень хорошими музыкантами. И постепенно ее душа смягчалась. И ответная страсть захватывала ее сильной горячей волной, и она начинала петь уже вся во власти таланта своего избранника, поднимая его на новую, неизведанную еще и им самим высоту. Она привыкала к этому таланту, как привыкала к постоянному обожанию... особому, недостижимому положению среди своих сестер, которые смирялись с ролью нелюби-

мых жен, безропотно выполняя всю самую черновую репетиционную работу. Она привыкала к этому таланту, даже любила его, но через какое-то время уже не могла вспомнить человека, которому этот талант принадлежал, когда тот, как и его предшественники, уходил из жизни. Ей было суждено пережить их всех, оставаясь, несмотря на свой возраст, такой же юной и звонкой. Появлялся новый, с привычно знакомыми манерами, с той же лаской и обожанием... И все начиналось заново...

...Она сладко дремала в уютном футляре, завернутая в мягкую теплую фланель. Когда вдруг резко щелкнули замки! Чей-то грубый голос сказал: «А ну-ка – вылезай, голубушка»... И она оказалась в сильных и жестких руках. Они по-хозяйски вертели и ощупывали ее! Делали ей больно, отчего, не привыкшая к такому обращению, она зазвенела жалобно и возмущенно!.. А пальцы уже вертели ее колки, а твердый небритый подбородок уже впивался в нее гранитной тяжестью, которую не в силах были вынести ее хрупкие плечи... Он мучил ее долго и жестоко! И когда, уже почти без сознания, обессиленная и изрыдавшаяся, она поняла, что кошмар этот, наконец, закончился, сказал ей примирительно: «Ну-ну, отдохни немного...».

Тогда она со вниманием и ненавистью вгляделась в лицо человека, которому теперь принадлежала – упрямая складка губ, глубокая напряженная морщина на лбу и большие светлые глаза, в которых она увидела... **ВОСХИЩЕНИЕ?!!**

– Извини меня..., – и голос его показался уже не таким грубым... – Я знаю, что тебе тяжело, но по-другому я не могу... терпи...

И она терпела, потому что почувствовала, что еще больше он истязает себя, сжигая душу и тело в ненасытном Огне творчества. Но не могла понять этого сознательного ежедневного самоуничтожения, пока не вынес он ее на сцену, на их первый совместный концерт... и яркое пламя его таланта не разлилось мощно и свободно по рядам сидящих перед ними людей, осветив лицо каждого из них. О! – эти лица! Наэлектризованные переживанием, всецело преданные силе и Гению этого человека лица!

Она полюбила его так, как не любила никого. Да и любила ли она кого-нибудь до этого? И, как любящая женщина, бесконечно терзалась и тревожилась за любимого. И если раньше – ах, как давно это было! – объятия его причиняли боль, то теперь каждого такого мгновения она ждала с тоской и нетерпением, и сливалась с ним в единое целое в страстном и чувственном экстазе МУЗЫКИ! И испытывала страшные муки, когда он резким рывком, наконец, отрывал ее от себя... – ей казалось, что вместе с собой он отрывает ее живые, трепещущие клетки!..

Шел необыкновенный концерт. Никогда еще он не играл так вдохновенно! Каждой струной, всем существом своим отвечала она малейшему движению его души и зажатого в руке смычка. В зале, после каждого исполненного произведения – бушевало море чувств. С восторгом и счастьем слушала она его бурные приливы. Но! Не в этом была для нее необыкновенность концерта... Звучали, слышались в нем нотки тревоги и неблагополучия... Смутно и странно угадывала она в нем какую-то печальную торжественность, замирала от предчувствия и гнала его от себя. А где-то там – далеко в подсознании, уже вертелась жуткая мысль... Она ее не понимала... **ОТКУДА, ПОЧЕМУ????!!** Пока натянутыми струнами своими, как тончайшим индикатором, не уловила неровные, тяжелые биения его сердца и...

ЗАШЛАСЬ В УЖАСЕ!!!

И в то же мгновение смычек обессилено соскользнул с ее грифа...

Последнюю ноту она допела уже сама... надсадным... горьким...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.